
ИСТОРИЯ

**ИСТОРИК БОЛЕСЛАВ БРЕЖГО (1887–1957):
НЕИЗВЕСТНОЕ В БИОГРАФИИ**

The historian Boļeslavs Brežgo (1887-1957): Unknown in biography

Э. Екабсонс (E. Jakobsons),
Латвийский университет
г. Рига, Латвия

Баляслаў Брэжга – адзін з самых значных латвійскіх і латгальскіх гісторыкаў усіх часоў. Аднак у яго біяграфіі існуе шмат замоўчанага і нават хлусні. Мэтай гэтага артыкула з’яўляецца іх выкрыццё на падставе сабраных архіўных матэрыялаў. Пры гэтым несумненна, што Б. Брэжга быў выбітным гісторыкам і наўмысна зробленыя ім змены ў афіцыйнай біяграфіі ніякім чынам не змяншаюць яго дасягненняў. У яго біяграфіі ёсць і іншыя незлічоныя факты, якія дазваляюць лепш зразумець не толькі яго асобу, але і той перыяд часу, калі ён працаваў вучоным у незалежнай Латвіі і пазней пры савецкім рэжыме.

Ключавыя словы: гісторык, Баляслаў Брэжга, біяграфія, Віцебск, архіўная справа.

Boļeslavs Brežgo is one of the most talented Latvian and Latgalian historians of all times. However in his biography there exist quite a lot of ambiguities and even falsehoods. The aim of the article is the disclosure of it on the basis of the collected archival materials. There is exists also other untold fact in his biography which allow us to better understand not only his

personality but also that period of time when he was working as a scientist in independent Latvia and also later during the Soviet regime.

Keywords: Historians, Boļeslavs Brežgo, biography, Vīciebsk, archive keeping.

Один из самых известных историков Латгалии и Латвии – это, конечно, Болеслав Брежго. Он также считается первым латышским историком Латгалии и написал много работ по вопросам всего региона на латышском, русском, польском и белорусском языках, имеющих большое значение в латвийской историографии. Профессор Генрих Стродс справедливо отмечает, что биография Б. Брежго неоправданно мало представлена в энциклопедиях и биографических словарях Латвийской Республики, а также в послевоенных изданиях эмиграции на Западе. Б. Брежго был и остаётся одним из самых выдающихся историков Латгалии и всего региона. Его работы во многих областях истории Латгалии по-прежнему являются одними из немногих, написанных по этим темам на высоком профессиональном уровне. Однако его биография содержит ряд неточностей и множество умолчаний. Целью настоящей статьи является именно выяснение этих «белых пятен» на основе имеющихся в распоряжении архивных документов.

Официальная биография

Сам историк Г. Стродс [1] рассказывает о том, что Б. Брежго писал в своей официальной биографии, что он родился 31 марта 1887 г. в волости Дрицени в селе Айцпуриеша (соврем. Резекненский край) в семье безземельного плотника Ричарда Брежго (принадлежал к крестьянскому сословию). В 1897 г. семья переехала в Резекне, где Болеслав учился в городской школе. В автобиографии, написанной в советское время, он указывал, что в 1902–1905 гг. был участником нелегальной ученической группы «Искровец». По окончании школы в 1905 г. работал домашним учителем в Резекне и Витебске до 1911 г.

В 1910 г. он подготовил большой латгальско-русский словарь (рукопись погибла в результате пожара в Даугавпилсе в 1944 г.). Одновременно с работой домашнего учителя он готовился к выпускным экзаменам гимназии, которые в 1910 г. якобы был успешно сдал экстерном в Витебской классической гимназии. Это якобы дало возможность поступить в следующем году в Московский археологический институт (МАИ) в 1911 г. Более того, согласно официальной биографии, учёба в институте продолжалась до начала Первой мировой войны.

С началом военных действий Б. Брежго мобилизовали в армию (9-й сибирский стрелковый полк) и вскоре отправили в Тифлисское военное

училище (соврем. Тбилиси), где он успешно закончил сокращённые четырёхмесячные курсы подготовки военных офицеров (Б. Брежго: «*В 1914 война прервала мою учёбу, так как кончилось время отсрочки, меня мобилизовали и отправили в тбилисскую военную школу, а после окончания ускоренного курса меня отправили на фронт [...]»*). Осенью он принял участие в боях в Восточной Пруссии и 1 декабря получил серьёзные ранения. После выздоровления был признан годным только для службы в тылу и служил адъютантом в штабе Двинского военного округа (Г. Стродс пишет, что в чине подпрапорщика [1]. Но это является полнейшим абсурдом, так как подпрапорщики в российской армии были даже не офицерами самого младшего звена, каковыми являлись прапорщики. Такой чин получали офицеры резерва, а во время войны прапорщиками сразу становились окончившие ускоренные курсы в военных училищах. Очевидно, Г. Стродс имел в виду чин подпоручика, но это также было бы невозможно, если Б. Брежго, как утверждал, окончил ускоренный курс военного времени, тогда как чин подпоручика давался только окончившим полный курс в мирное время).

В автобиографии Б. Брежго указывал, что служил в штабе и «написал военную историю». В 1917–1918 гг. ему удалось завершить обучение в МАИ с золотыми медалями по всем трём специальностям, получив звания «учёного» археолога, археографа и искусствоведа (он сам перечислил названия трёх «диссертаций»: «Материалы для археологической карты Витебской губернии», «Архивы Полоцко-Витебского края в их прошлом и настоящем» и «Ян Матейко как представитель польской исторической живописи»).

После окончания был оставлен в МАИ для научной работы и подготовки на должность профессора кафедры «древности Северо-Западного края». 6 февраля 1918 г. по решению Совета института выбран заведующим Витебского отделения МАИ. В это время, в конце 1918 г., возможно, по инициативе Б. Брежго, Витебское отделение института переняло бывший губернский архив, и он также был назначен руководителем этого учреждения, временно находящегося под юрисдикцией института. 14 ноября 1918 г. был избран ассистентом кафедры древности, а 25 января 1920 г. – профессором кафедры славяно-русской палеографии. Затем в марте 1920 г. он был избран помощником ректора МАИ, в июне – проректором, а 3 января 1921 г. – профессором, коим и оставался до закрытия института 30 июня 1921 г., читая лекции по славяно-русской палеографии.

Впоследствии, до 31 декабря 1924 г. Б. Брежго был уполномоченным представителем «Главархива» и Центрального архива в Минском

регионе и научным сотрудником в Витебском государственном архиве. Согласно автобиографии, в 1921 г. в Воронежском государственном университете (созданном на базе эвакуированного Тартуского университета) окончил филологический факультет с устными экзаменами для получения степени магистра теории и истории искусства.

В 1925 г. Б. Брежго вернулся в Латвию. Согласно воспоминаниям Г. Стродса, Б. Брежго однажды сказал ему в частной беседе, что в его жизни было три «внешние трагедии», не объясняя ничего более подробно. По мнению Г. Стродса, первой он считал прохладную встречу в Латвии – на просьбу принять его лектором в Латвийский университет была предложена лишь должность преподавателя русского языка, которую Б. Брежго не принял. Без ответа осталась и просьба о принятии на работу в Государственный архив. В конце концов 27 марта 1925 г. Б. Брежго был принят сотрудником в Управление памятниками.

Уже в 1925–1926 гг. он руководил археологической экспедицией в Латгалии, а в 1931 г. он стал инспектором Управления памятниками в Латгалии. В 1932 г. председателем правления Управления был назначен Франц Балодис, который сделал Б. Брежго замечание, что отчёты должны быть написаны на государственном языке (латышском), и Б. Брежго обещал впредь делать это (Г. Стродс пишет: «Понятно, что живя в России в течение долгого времени, Брежго лучше владел русским языком и первоначально он писал свои отчёты на русском языке, когда-то смешивая русские и латышские слова» [1]). Однако затем последовали новые замечания и в 1933 г. Б. Брежго был уволен из Управления памятниками.

В 1933 г. бельгийский «Брюссельский университет» за работу на французском языке «Крестьяне Латгалии в 1772–1861 годах» удостоил Б. Брежго звания доктора исторических наук. К сожалению, здесь сразу следует отметить, что используемое название вводит в заблуждение – на самом деле это был отнюдь не государственный академический университет, а незначительная коммерческая организация «Филотехнический университет», которая зарабатывала деньги, выдавая «дипломы», которые не признавались даже в самой Бельгии (экзамены можно было сдать даже посредством переписки). В конце 1931 г. власти Латвии получили официальное предупреждение от Посольства Бельгии в Риге касательно этой организации (чуть ранее в государственные органы пришли приглашения от этого «университета» поступить на «учёбу»). Официальное сообщение о сущности «Брюссельского университета» было опубликовано в латышской прессе [2, с. 1]. И именно от этой организации Б. Брежго получил диплом доктора.

С 1925 по 1937 гг. Б. Брежго также читал лекции на частных русских университетских курсах (с 1930 г. – Русский институт университетских знаний; был закрыт в 1937 г.). Согласно автобиографии, он работал там в качестве профессора славяно-русской палеографии, а с 1930 г. также числился профессором кафедры археологии.

В 1937–1940 гг. Б. Брежго был инструктором по организации создания Латгальского центрального музея в Даугавпилсе.

После оккупации Латвии Красной армией Б. Брежго с 19 декабря 1940 г. работал заведующим Государственным архивом Даугавпилса. На момент оккупации Латвии немецкими войсками был также старшим архивным инспектором Латвийской ССР (до 26 июня 1941 г.). Во время нацистской оккупации 1 сентября 1941 г. был уволен с работы и «подвергнут надзору». В 1942 г. некоторое время содержался в Риге в политической тюрьме Остланда вместе с архивариусом Георгом Еншем. С 15 марта 1942 г. по 1 апреля 1943 г. работал архивариусом Государственного архива, а затем большую часть времени редактировал свои работы в издательстве латгальских книг В. Locisa в Даугавпилсе (состоял в штате как временный научный редактор).

После вытеснения Красной армией немецких формирований с территории Латвии Б. Брежго с 9 ноября 1944 г. был начальником отдела Центрального государственного исторического архива Латвийской ССР. С 1 апреля 1945 г. – профессор филологического факультета Латвийского государственного университета (ЛГУ), а 12 апреля был утверждён профессором кафедры славянской филологии. С 9 января 1947 г. работал заведующим кафедрой. В то же время с 1 июля 1946 г. он был заместителем декана факультета. 31 июля 1946 г. Совет ЛГУ присвоил ему звание профессора (35 за, 3 против).

12 августа 1948 г. от Министерства высшего образования СССР было получено распоряжение уволить Б. Брежго из ЛГУ в связи с реорганизацией штатного расписания. Г. Стродс выражает недоумение о причинах такого поворота дел и делает предположение, что Брежго был «включён в чёрный список и стал жертвой преследования сталинизма» [1].

С 28 декабря 1946 г. Б. Брежго также работал в Институте истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР, где продолжал это делать в качестве старшего научного сотрудника Сектора истории феодализма и после увольнения из университета (до 1948 г. неполный рабочий день, а затем полный рабочий день). В 1949 г. была предпринята попытка уволить его и отсюда, но случилось это только в 1953 г. на основании того, что в официальной биографии скрывал факт ареста во время немецкой оккупации. Умер 30 сентября 1957 г. в Риге.

[Биографии Б. Брежго см.: 1, С. 3–17; 3; 4; 5].

Настоящая биография: умолченное

Согласно официальной биографии в 1910 г. Б. Брежго экстерном окончил гимназию в Витебске и поступил в Московский археологический институт. Оба эти факта не соответствуют действительности, поскольку летом 1912 г. Б. Брежго, решив стать профессиональным офицером русской армии, поступил в двухлетнее Пехотное военное училище имени великого князя Михаила Николаевича в Тифлисе. Для поступления сюда гимназического образования не требовалось и он его и не имел. Однако во время учёбы Б. Брежго показал отличные способности и успехи, в результате чего был назначен сначала младшим, а потом старшим портупей-юнкером (так в российской армии называли юнкерских унтер-офицеров) и, наконец, был произведён в юнкерского фельдфебеля [6; 7]. Это было действительно замечательным достижением, которое свидетельствует об отличном потенциале для военной карьеры Б. Брежго.

Накануне Первой мировой войны 12 июля 1914 г. (по старому стилю) Б. Брежго закончил училище с выдающимся успехом – с I степенью, которая давала обладателю право выбирать себе последующее место службы. И он подтвердил своё стремление к военной карьере, выбрав какой-нибудь один из многочисленных пехотных полков в прибалтийских или белорусских губерниях, пусть и близких к родине, а 9-й Сибирский стрелковый полк во Владивостоке [6; 7]. Этому способствовали меркантильные причины: три дня службы на Дальнем Востоке, в Сибири и Туркменистане приравнивались к четырём, что открывало возможности для более быстрого продвижения по карьерной лестнице. Таким образом, факт из официальной биографии о мобилизации в начале войны и краткой учёбе в Тифлисском училище не соответствуют действительности.

После окончания военного училища молодые офицеры получали месячный отпуск, обычно проводимый дома или в месте по их выбору. Однако в этом случае новый подпоручик и его товарищи даже не смогли уехать далеко от Тифлиса – события в Европе развивались стремительными темпами, и 19 июля в России была объявлена всеобщая мобилизация и вскоре она вступила в «Великую войну» против Тройственного Союза на стороне Антанты. Подпоручик Б. Брежго немедленно прибыл в 9-й Сибирский стрелковый полк, который на короткое время вместе с японской армией принял участие в осаде контролируемого немцами района в Китае – крепости Киндо [3]. Вскоре после этого войска были отправлены на Западный фронт и подпоручик Б. Брежго

стал участвовать в боевых действиях в Восточной Пруссии. 13 декабря 1914 г. он был тяжело ранен в области паха недалеко от деревни Хальне и эвакуирован в госпиталь в тыл (сам Брежго в автобиографии писал, что был ранен у д. Дуплице Дуже, которая в настоящее время находится в Лодзинском воеводстве Польши) [3]. В результате тяжелой травмы активное участие в военных действиях на фронтах стало для него практически невозможным. В апреле 1915 г. Б. Брежго был награждён орденом Святой Анны IV степени за отвагу в боях в Восточной Пруссии [8; 9]. Из-за серьёзных последствий травмы для здоровья он был вначале направлен в штаб Двинского военного округа в Вильнюсе, а в июне 1916 г. был официально переведён из своего полка в офицерский запас Двинского военного округа в Витебске [10] и назначен адъютантом штаба Двинской объединённой запасной инженерной бригады [6, л. 83, 113об., 114].

В августе 1916 г. был награждён орденом Святого Станислава III степени. Впоследствии, согласно его собственной автобиографии, некоторое время служил в Управлении интендантуры армии в Петрограде, откуда был отправлен в январе 1917 г. для лечения последствий ранения в Витебск, где продолжил службу в штабе запасной инженерной бригады, а после её ликвидации в конце 1917 г. служил в качестве секретаря Витебского городского военного комиссариата. Сам Б. Брежго отмечал, что везде (в Вильнюсе, Петрограде и Витебске) он находил возможность работать в местных архивах, собирая материал об истории Латгалии [3].

Согласно исследованию русского историка Евгении Назаровой, основанном на материалах Центрального городского архива Москвы, касающихся студентов-латышей, которые обучались в Витебском отделении МАИ, вполне можно утверждать, что Б. Брежго поступил в институт только в 1915 г., когда служил в штабе бригады. Она также обоснованно считает, что первые два латыша поступили в Витебское отделение МАИ в 1911 г. и но это были Карлис Беркис, заместитель начальника полиции города Витебска, и Готфрид Ансабергс, помощник начальника витебской губернаторской канцелярии [11, с. 38].

Уже во время большевистской диктатуры в 1918 г. институт был преобразован из частного учебного заведения в государственное с бесплатным обучением. В конце 1917 г. Б. Брежго поступил на археологическое отделение и, по-видимому, в это время, как и другие солдаты и офицеры, был уволен из русской армии, поскольку получил стипендию с января 1918 г. Через шесть месяцев он успешно окончил археологическое отделение, сдал все предметы, и был сразу же зачислен на 4-й

(последний) курс истории искусств, завершённый в том же году. В это же время (летом) он был назначен заведующим Витебского отделения МАИ, т.е. через три года после начала обучения и практически сразу после завершения трёх отделений. Таким образом, с установлением большевистского режима, когда МАИ покинули многие бывшие преподаватели, Б. Брежго получил возможности к быстрой административной карьере. Именно в этот самый момент из-за отсутствия гимназического образования (которое, по крайней мере, формально было необходимо заведующему) ему пришлось сдать экзамен за курс латинского языка, что было успешно сделано (а не так, как это было заявлено в автобиографиях, до поступления в институт в 1910 г.).

Интересно, что в это время институт был основным местом работы и учёбы для нескольких других членов семьи Брежго. В 1916 г. старший брат Алоиз также поступил в Витебское отделение МАИ (родился в 1882 г., окончил Резекненскую городскую школу, получил права частного адвоката, был назначен комиссаром Временного правительства в Дриссенском уезде; как и брат Болеслав, и даже в ещё более кратчайшие сроки окончил все три отделения института.; умер в Латвии в 1944 г.). В свою очередь в 1917 г. в институт поступил и младший брат Станислав (1890 г.р.; окончил Резекненскую городскую школу и курсы землемеров; мобилизован в 1915 г., окончил школу прапорщиков в Саратове осенью 1916 г.; служил в 109-м запасном пехотном полку) [7, л. 523–524, 525]. В 1919 г. в институт на отделение археологии поступила Анатолия Григорьевна Брежго, дочь служащего железнодорожных служащих. Е. Назарова считает, что речь идёт о закончившей витебскую гимназию сестре Болеслава или, по крайней мере, родственнице, которая могла начать учёбу с его рекомендации [11, с. 39–40]. Однако это могла быть жена Б. Брежго Анастасия, которая также была дочерью Григория, а в 1916 г. в Витебске родился их сын Аркадий.

Б. Брежго занимал пост директора Витебского отделения МАИ до 1922 г. Послужные документы свидетельствуют, что 25 января 1920 г. Совет института избрал его профессором на кафедре первичной археологии и на кафедре истории общего искусства [4] (в официальной биографии речь шла о кафедре славянской палеографии, которой не видно в официальных документах МАИ). Однако здесь следует учитывать тот факт, что после большевистского переворота в конце 1917 г. в Советской России все звания и степени «старого режима», включая и научные, были полностью отменены. В связи с этим в 1918 г. была введена примитивная система для преподавателей университетов, в которой все

они были разделены на две категории: профессор (тот, кто самостоятельно ведёт занятия) и преподаватель (все остальные). Только в 1934 г. в СССР были возобновлены научные звания и степени [12, С. 752–753].

Таким образом, до 1918 г. трёхлетнее образование в МАИ было сопоставимо с образованием в т.наз. народных высших школах, которые не соответствовали классическому высшему образованию, получаемому в университетах. Поскольку оно давалось за плату по вечерам помимо основной работы, а ученикам даже не нужно было иметь гимназическое образование (было достаточно городской школы), то Е. Назарова прямо признаёт, что институт не считался университетом [11, с. 35–36]. Следует также отметить, что Витебское отделение МАИ в 1914 г., продолжая непрерывно выполнять свою работу во время обучения, закончил уже упомянутый помощник начальника полиции этого большого города, латыш Карлис Беркис, который формально получил квалификацию археолога [13].

Одновременно необходимо подчеркнуть, что институт предлагал высококачественное обучение и если студент был заинтересован, то мог получить высокую квалификацию. Нет сомнений, что Б. Брежго принадлежал именно к таким. Но с другой стороны, это объясняет причины, по которым он не был утверждён в Латвийской Республике на учёные степени и звание профессора. Тем более, что профессор археологии Латвийского университета Ф. Балодис был хорошо информирован о статусе МАИ в 1912–1918 гг., так как тогда он работал доцентом кафедры египтологии в непосредственно в МАИ в Москве. Допустимо, что это было, по крайней мере, одной из причин неблагоприятного отношения Ф. Балодиса к сотруднику Управления памятниками Б. Брежго.

Официальная биография также скрывает факты, которые ясно указывают на особенности национальной самоидентификации Б. Брежго, которые были инспирированы особенностями Латгалии и были характерны для многих жителей этой области. Именно поэтому латыш по происхождению Б. Брежго во вт.пол. 1920-х – нач. 1930-х гг. активно работал не только в местных польских организациях, но и в Даугавпилсском городском совете, куда последовательно избирался по польским спискам [14; 15].

В свою очередь, во время нацистской оккупации 1941–1944 гг. Б. Брежго принимал активное участие в белорусском национальном движении при поддержке оккупационных властей. С марта 1942 г. в Центральном совете Белорусского объединения генерального округа Остланд в Риге действовал отдел науки, и была предпринята попытка создать отдел в Даугавпилсе, пригласив историка Б. Брежго, который был также

заместителем председателя центрального совета объединения, заниматься «белорусской наукой» в Латгалии. Однако секция в Даугавпилсе не была создана. Можно добавить и тот факт, что супруга Б. Брежго Анастасия работала учителем белорусской школы в Даугавпилсе и была членом Белорусского объединения, а потому в служебной анкете указывала национальность мужа «белорус» [16, 44.лр.]. Следует также отметить, что в 1942–1944 гг. осуществлялись безуспешные попытки открыть белорусские гимназии в Пасиене и Даугавпилсе, и Б. Брежно должен был быть учителем и классным учителем в планируемой Даугавпилсской гимназии или, по крайней мере, в уже существующей в Индре (17, 13.,30.лр.; 18, 26.–45. лр.).

Наконец, последнее «умолченное» в биографии – причины послевоенных событий в жизни Б. Брежго. Увольнение из университета было вполне ожидаемым, так как 7 мая 1946 г. за «антисоветскую агитацию» был арестован его сын Аркадий. За работу кинооператором во время немецко-фашистской оккупации в отделе пропаганды Остланда он был приговорён к тюремному заключению [19]. В своей автобиографии 1951 г. Б. Брежго писал, что его «приёмный» (!) сын «работает радиотехником на исследовательских приисках около Ухты» [3] (на самом деле это означало лагерь). В целом же, в общем свете жестокости советской власти в то время, отношение к Б. Брежго следует признать очень даже умеренным.

Болеслав Брежго, несомненно, был выдающимся историком, а также во многом, благодаря событиям мировой войны и революции, его жизнь и профессиональная деятельность ярко продемонстрировала, что научные степени и звания не всегда имеют решающее значение. Возвратившись в Латвию, Б. Брежго прекрасно понимал, что получить высокую квалификацию, соответствующую знаниям профессора, невозможно, имея за спиной только параллельное с основной работой или военной службой образование, притом сразу по трём специальностям в течении 3–4 лет в неклассическом высшем учебном заведении. К тому же ему удалось получить звание профессора фактически через два года после получения среднего образования. Он понимал, что это было возможно только в условиях хаоса в разваливавшейся стране и то только в народной высшей школе, которую он окончил в сочетании с длительными командировками в Вильнюсе и Петрограде и нерегулярного посещения занятий по вечерам в Витебском отделении МАИ. Поэтому он «подправил» биографию и утверждал, что учился в Московском археологическом институте и, в частности, не упомянул Витебское отделение с 1911 г., «забыл» свою службу в императорской

русской армии и звание офицера. В общем, все неточности в его биографии стали следствием его собственных слов. Вернувшись в Латвию, Б. Брежго всюду настаивал на звании профессора (в публикациях, беседах с журналистами и т.д.); он делал это и позже – во время нацистской оккупации, хотя звание профессора, полученное в Советской России в начале 1920-х гг. не было классическим и даже оправданным, а в Латвии он был профессором только на негосударственных русских университетских курсах. По видимому, талантливый историк просто хотел быть профессором. Положение в Советской России бывших военных офицеров было очень шатким, поэтому оправданным было желание затереть эту страницу своей биографии. Правда, полностью сделать это не удалось, о чём свидетельствует, в частности, документация института с 1922 г., в которой чётко указано, что Б. Брежго завершил «полный курс» Тифлисского военного училища (список был представлен при въезде в Латвию, но никто не обратил на это внимания). Геополитические изменения в регионе, с другой стороны, подтверждаются тем фактом, что в Латвии также можно было скрыть этот этап жизни. Сместе предположить, что в соответствии с выдающимся историческим талантом Б. Брежго и его уникальным опытом работы с архивными источниками, мы можем быть уверены, что он знал, что всё «умолченное» им когда-либо обнаружится.

Использованные источники:

1. Strods H. Profesora B. Brežgo dzīve un darbs / Strods H. (sast.). Profesors Boļeslavs Brežgo. Leksiju konspekts. – Rēzekne, 1990. – 3.–17.lpp.
2. Latvijas Kareivis. – 1931. – 17.nov.
3. Latvijas Zinātņu Akadēmijas arhīvs (LZAA), B. Brežgo lieta.
4. Latvijas Nacionālās bibliotēkas Reto grāmatu un rokrakstu nodaļa (LNB RGRN). B. Brežgo f., 22. mare, 2. arvāks.
5. Лисов, А. Болеслав Брежго – историк латгальского крестьянства / А. Лисов // VI starptautiskā zinātniski praktiskā konference “Māksla un mūzika kultūras diskursā. – Rēzekne, 2018. – 28.–35.lpp.
6. Российский государственный военно исторический архив (РГВИА). Ф. 2152. Оп. 2. Д. 246.
7. РГВИА. Ф. 409. П/с 177-588.
8. Русский инвалид. – 1915. – 10 апр.
9. Разведчик. – 1915. – 26 мая.
10. Русский инвалид. – 1916. – 7 мая.
11. Назарова, Е.Л. Латыши в Витебском отделении Московского археологического института / Е.Л. Назарова // Учёные записки Витебского государственного университета. – 2012. – Т.13. – С. 34–43.
12. Императорский Московский университет: 1755–1917 : энциклопедический словарь. – Москва : РОСПЭН, 2010.
13. Latvijas Nacionālā arhīva Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LNA LVVA). 5604.f., 1.apr., 653.l., b.p.
14. Daugavas Vēstnesis. – 1925. – 06.nov.
15. Latgales Ziņas. – 1931. – 17.apr.
16. LNA LVVA. P-712.f., 1.apr., 1.l.
17. LNA LVVA. P-712.f., 1.apr., 4.l.
18. LNA LVVA. P-951.f., 1.apr., 93.l.
19. Latvijas Nacionālā arhīva Latvijas Valsts arhīvs. 1986.f., 1.apr., 17556.l.